

Из-за того что четвертый принц часто проводил время с третьим принцем, он был довольно хорошо знаком с компаньонами третьего брата. Раньше этот мальчик по имени Лу Цзыяо отличался довольно простодушным и глуповатым нравом. Он беспрекословно подчинялся третьим принцу, лез из кожи вон, угождая перед ним, и даже возглавлял задиравших седьмого принца. Хотя четвертый принц и сам заискивал перед третьим принцем, он презирал столь бестолковые и безрассудные ужимки Лу Цзыяо. Он полагал, что малыша рано или поздно покарает си-фэй в назидание другим, однако никак не ожидал, что теперь Лу Цзыяо не только выбился в маленькие компаньоны седьмого принца, но и вернулся во дворец, держась с Седьмым за руки... И Седьмой действительно к нему прислушивался! В душе четвертого принца бушевала гамма смешанных чувств: сам он из кожи вон лез, но так и не смог угождать третьим принцу, не наживая при этом врагов среди остальных. А этот маленький компаньон, над которым он прежде тайком насмехался, каким-то образом ухитрился устроиться так, что угождал всем вокруг. Неужели прежняя глупость этого маленького компаньона была всего лишь притворством?

От этой мысли взгляд, которым четвертый принц смотрел на Лу Цзыяо, стал почти благоговейным.

Лу Цзыяо, сбитый с толку таким пристальным взглядом, мягко улыбнулся:

— На улице такая жара, не укроется ли Ваше Высочество от зноя в доме?

Четвертый принц только сейчас пришел в себя и со смешком отмахнулся:

— Сегодня в Восточный дворец привезли часть дани. Братья сказали, там сладкие лакомства. Я подумал, что Седьмому понравится, и занес по пути. У меня еще дела, так что я пойду.

Повернувшись, четвертый принц направился во двор наложницы И.

Едва и-гуйжэнь увидела сына, её тревожное сердце наконец успокоилось. Она поспешно отослала служанок, увлекла четвертого принца во внутренние покои и шепотом рассказала о том, что Император велел ей сопровождать его.

Она не упомянула, что собиралась выслужиться перед си-фэй с помощью тайны о шпионе тун-фэй, но четвертый принц, выслушав её, тут же заподозрил неладное.

— Зачем вы ходили к си-фэй? — спросил он, недоверчиво уставившись на и-гуйжэнь.

— Ох, я тут на днях вышила маленький саше и собиралась...

Четвертый принц бесцеремонно перебил её, разоблачая без всякой жалости:

— Вы ведь не собираетесь выдать си-фэй шпиона тун-фэй? Я столько лет бессовестно угождал перед третьим братом и еле-еле добился, чтобы он считал меня своим человеком. Если вы решите воспользоваться этим случаем и усидеть на двух стульях, все мои труды пойдут прахом!

И-гуйжэнь густо покраснела и, опустив голову, тихо пробормотала:

— И что с того, если угодишь третьему принцу? В конце концов, это всё из-за меня... Я не пользуюсь милостью, вот тебе и приходится терпеть лишения!

— Эх! — Четвертый принц нахмурился, взмахнул рукой и, сев у чайного столика, упрямо возразил: — О каких лишениях вы говорите?

И-гуйжэнь со слезами на глазах произнесла:

— Эти слуги в моем дворе смеют заявлять, будто ты рожден подлой рабыней! Неужели я не знаю, каково тебе живится в Восточном дворце? Тебе еще и тринадцати нет, а ты уже вынужден выкручиваться, исполнять чужие поручения и выгадывать хоть какую-то выгоду, чтобы содержать меня, никчемную мать... Как же у меня болит душа изо дня в день... Жить не хочется, лишь бы больше не быть тебе обузой...

— Мама! Не выдумывайте глупостей! — Четвертый принц подскочил от неожиданности. От досады и гнева он принялся вытирать слезы и-гуйжэнь, успокаивая её: — Какой собачий слуга это сказал? Почему вы мне не рассказали? Я доложу отцу-императору, сорву с него собачью голову, а всю его семью отправлю в ссылку!

И-гуйжэнь прикрыла глаза платочком и шикнула на него, призывая говорить тише.

Четвертый принц обнял и-гуйжэнь и стал утешать:

— Не расстраивайтесь. Ваш сын обязательно добьется успеха и станет настоящим человеком. Тяжелые времена ненадолго. Вот выйду из дворца, открою собственную резиденцию, своими силами накоплю состояние — обеспечим вам бесконечную роскошь и почет! Тогда другие наложницы сами прибегут к вам выслуживаться!

— Я верю в твои силы, но даже для самого великого дела нужен начальный капитал. Я не могу просто сидеть сложа руки и смотреть, как ты надрываешься, — и-гуйжэнь подняла голову с твердым намерением в глазах. — Я не смирюсь. Император занят государственными делами и лишь ненадолго забыл обо мне. Появись хоть один шанс, и мы вполне сможем подняться! Сейчас Император жаждет проводить с си-фэй каждый день. Если си-фэй поспособствует мне, Император, возможно, наведается ко мне! Пусть даже раз в два-три месяца — и нам с тобой больше не придется терпеть издевательств слуг, а твои тяжело заработанные деньги не улетят в трубу!

Четвертый принц открыл рот, но не решился остудить её пыл.

Заметив его колебания, и-гуйжэнь поспешно указала на саше у себя на поясе:

— Сегодня я случайно встретила Императора. Я так испугалась, что выронила саше на землю. Император долго смотрел на меня, сам наклонился, поднял саше и сам привязал его мне обратно. А потом велел поднять голову и серьезно спросил, не хочу ли я сопровождать его!

Вспоминая всё произошедшее днем, она дрожала от волнения и со слезами в голосе шептала:

— Государь вспомнил обо мне! Вспомнил то обещание, что дал мне в ту ночь... Он хочет возместить мне за десять с лишним лет пренебрежения!

Она слишком переоценивала память Императора и принимала за чистую монету сладкие речи, сказанные перед постелью.

Императору, нарушавшему обещания на протяжении десятка с лишним лет, стоило лишь мимоходом поднять её саше, как она от чистого сердца простила изменника и вообразила, будто над её головой снова восходит солнце.

Четвертый принц хоть и был куда рассудительнее сверстников, в любовных делах еще ничего не смыслил. Услышав слова и-гуйжэнь, он решил, что поступок отца-императора действительно

выглядел очень трогательно, и в его душе тоже вспыхнула искорка надежды.

— Отец-император велел госпоже си-фэй передать вам свое решение? Как именно он вам это сказал?

И-гуйжэнь тут же приняла вид Императора и слово в слово разыграла ту сцену перед сыном.

Четвертый принц погладил подбородок, задумался на мгновение и пробормотал:

— Тогда было уже послеполуденное время. Почему отец-император не остался во дворце Цинцун? С ним были только евнухи, он даже паланкин не вызвал... Я полагаю, отец-император, скорее всего, внезапно решил вернуться в Зал Воспитания Разума. Но если бы дело было в какой-то срочной необходимости, отец-император не стал бы останавливаться, чтобы поднять вашу вещь и перебраться с вами парой слов...

Брови четвертого принца сдвигались все сильнее. Он повернулся к и-гуйжэнь:

— Боюсь, всё не так просто. Отец-император, возможно, по какой-то причине поссорился с си-фэй и потому скоростижно покинул дворец Цинцун, случайно встретив вас. А то, что он велел вам сообщить об этом си-фэй... скорее всего, сделано лишь для того, чтобы разозлить си-фэй, и не стоит принимать это всерьез.

Анализ сына подействовал на и-гуйжэнь как ушат ледяной воды.

Призадумавшись, она поняла, что с вероятностью в восемьдесят процентов всё так и было.

Хотя это принесло разочарование, унывать она не собиралась:

— Даже если это сделано ради укола си-фэй, слова Императора уже сказаны! Если я соглашусь, он обязательно разрешит мне сопровождать его в поездке. Мы будем вместе день и ночь, и мне непременно представится случай напомнить Императору о моих достоинствах. Я не могу упустить этот шанс!

Четвертый принц еще долго размышлял и в конце концов тоже посчитал это манной небесной. Радостно улыбнувшись, он напомнил и-гуйжэнь:

— Сейчас си-фэй, пожалуй, все еще в гневе. Вам лучше навестить её завтра.

Услышав, что и сын дал свое согласие, и-гуйжэнь почувствовала, как тяжелый камень наконец упал с души. Она добавила:

— А что, если си-фэй обвинит меня в соперничестве за милость? Думаю... стоит все-таки открыть ей тайну о шпионе, чтобы она признала меня своей! Если только удастся отправиться в поездку с Императором, нам больше никому не придется угождать!

*

Снова настал день ежемесячной проверки успеваемости принцев.

С самого утра маленькие принцы вместе со своими компаньонами ждали в боковом зале, когда отец-император начнет проверку.

Лу Цзыяо беспомощно наблюдал, как пятый принц, словно пейджер, без умолку строчил над ухом седьмого принца целое утро.

— Ни в коем случае не встревай, понял? — пятый принц готов был чуть ли не на колени встать перед толстошеким малышом. — Когда третий брат не сможет ответить, ты ни за что не должен отвечать за него! Сколько бы отец-император ни повторял вопрос, тебе запрещено отвечать за него, ты меня слышишь?

Седьмой принц задрал голову и недоуменно уставился на пятого.

Каждый месяц в этот день перед выходом из дворца Цинцун госпожа си-фэй непрестанно твердила седьмому принцу: «Когда отец-император задает вопрос, ты обязан отвечать немедленно! Не смей витать в облаках, играть с игрушками или глупо улыбаться. Что отец-император спросит — то и отвечай. Будешь непослушным — останешься без сладостей перед сном».

И вот, едва они прибыли в боковой зал Зала Воспитания Разума, пятый из кожи вон лез, умоляя его не отвечать на вопросы отца-императора.

Седьмой принц решительно не понимал, как исполнить требования обоих одновременно.

Во время проверки знаний принцы стояли в Зале Воспитания Разума.

Обычно третий принц, зубривший все в самый последний момент, обязательно где-нибудь сбивался и не мог вспомнить нужный отрывок из текста.

Тогда Император несколько раз повторял вопрос, строго требуя от третьего немедленного ответа.

Третий от волнения сбивался еще сильнее и вовсе терял дар речи.

Возникавшая вслед за этим затяжная пауза легко активировала у седьмого принца режим «попугая».

Ход мыслей седьмого принца был следующим: «Матушка сказала, что на вопросы отца-императора нужно отвечать обязательно. На прошлые вопросы братья ответили, а третий брат молчит. Отец-император спросил снова, а третий брат всё молчит. Отец-император переспросил — третий брат снова молчит. Матушка сказала, что на вопросы отца-императора нужно отвечать обязательно, обязательно, обязательно...»

И вот трагедия свершилась.

<http://bllate.org/book/18379/1766838>